

Б. ФИЛИППОВ

Всплывшее в памяти

<фрагмент>

V

Сейчас, на склоне лет, больше читаешь не беллетристику, а воспоминания, письма, всяческие документальные материалы, невольно заставляющие окунуться в молодые годы. Попал мне недавно в руки «Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского дома на 1978 год», а в нем, к моей радости, публикация писем Александра Блока к Татьяне Николаевне Гиппиус. Наконец, хотя и очень немного, я узнал о послевоенной судьбе сестер Зинаиды Гиппиус — Татьяны Николаевны («Таты») и Натальи Николаевны («Наты»).

Еще раньше прочитал в биобиблиографическом справочнике «Художники народов СССР»: «Гиппиус, Наталия Николаевна. Скульптор. Р. 13 (25).10.1880 в Нежине, ум. после 1941 в Новгороде»; «Гиппиус, Татьяна Николаевна. Живописец и график. Р. 13 (25).10.1877 в Петербурге, ум. ?» И вот только теперь, из «Ежегодника», узнал я, что тетя Ната умерла в Новгороде в 1963 году, а тетя Тата в Новгороде же 23 марта 1957.

О жизни сестер после 1910-х гг. сказано весьма скупо: «После Октябрьской революции Т. Н. и Н. Н. Гиппиус не разделили судьбу Д. С. Мережковского и З. Н. Гиппиус, бежавших в декабре 1919 г. за границу. Обе остались в Петрограде (З. Н. Гиппиус в 1920-е годы предлагала им переехать в Париж, но сестры отказались). Сведения о последующей жизни Т. Н. Гиппиус скудны. Известно, что в 1920-е годы она участвовала в религиозно-философском кружке проф. А. А. Мейера. Перед войной она жила в Новгороде. Оказавшись во время войны на оккупированной территории, обе сестры были отправлены в Германию и заключены в концлагерь. После окончания войны сестры вернулись в Нов-

город, где работали художниками-реставраторами при Новгородском художественном музее».

...Познакомил меня с сестрами Гиппиус высланный, как и они, в Новгород — после тюрем и ссылок — известный философ Сергей Алексеевич Алексеев-Аскольдов. Маленький ветхий деревянный домишко. Небольшая квартирка на втором этаже, затолканная до отказа книгами, папками с рисунками, какими-то глиняными заготовками для русских матрешек и парней-гармонистов. Во всем сразу виделась достойная интеллигентская нищета. После ссылки сестры находились в Новгороде в высылке — под надзором НКВД. Еле-еле нашли работу в качестве реставраторов в местном музее: Татьяна Николаевна реставрировала древние иконы, Наталья Николаевна — резьбу по дереву, шитье — плащаницы, пелены. Платили им такие гроши, что прожить на них не было возможности, как ни скромны были требования сестер. Начальство справедливо считало, что деться им некуда и они будут рады хотя бы грошовой оплате. Наталья Николаевна лепила на продажу — не на рынке, конечно, — разных матрешек и гармонистов, раскрашивала, обжигала, кое-что удавалось продать.

Тетя Тата тогда, в 1941 году, была маленькой тихой старушкой, выглядела много старше своих 64 лет. Тетя Ната, как это и положено скульптору, была выше, здоровее, сильнее сестры, но во всем беспрекословно подчинялась ей. Осуждены они были в самом конце двадцатых или в начале тридцатых годов за участие в религиозно-философском кружке А. А. Мейера «Воскресение» (к которому в свое время принадлежал и Г. П. Федотов).

Кружок Мейера возник на развалинах Религиозно-философского общества, в которое, понятно, входили и сестры Гиппиус: ведь общество это было детищем Мережковского и Зинаиды Гиппиус. В ранние годы кружка заглядывал туда и Блок. 21 мая 1917 года он записывает, между прочим: «Я пришел почему-то в робкое Религиозно-философское общество. Тату и Нату приятно было увидеть. Говорит Мейер, говорит, внедряясь, перед малой аудиторией, по-видимому, присматриваясь к ней. Она какая-то, черт ее знает, приличная. Мейер потихоньку подползает к тому, что религиозное разрушение больше обычного революционного, ибо истинные ценности неуничтожимы. Но аудитория скромна. Она все выслушивает, и все ей нравится... Есть боязнь не разрушения, а опустошения...»

А. Мейер, по записи Блока, отдав должное и большевизму, указав на положительные стороны марксизма, перешел к его отрицательным сторонам: «Величайшая отрицательная сторона —

нечувствие свободы, материалистическое отрицание личности; а свобода есть только свобода личности, иной свободы нет... Заговорил Карташев, закрыв глаза, хлопал в ладоши, бледнея: «За марксизм, за приказ № 1, за удар в спину — отомстится второй войной»».

Конечно, в середине двадцатых годов в кружке уже не говорили столь откровенно, но арест членов кружка был в советских условиях неизбежен. Остатки библиотеки сестер были для меня, только что прибывшего после пятилетнего пребывания в Ухто-Печорских лагерях, целым откровением. Сидя часами на полу у книжной этажерки с подложенным под поломанную ее ножку кирпичом, жадно пробегал я по страницам толстых увражей и тоненьких книжек со стихами Ахматовой и Гумилева, Кузмина и Мандельштама. «Переписка из двух углов» Гершензона и Вячеслава Иванова, «Младенчество» Вячеслава Иванова, книги Блока и, конечно, Зинаиды Гиппиус — все с авторскими посвящениями сестрам. И осколки знаменитого альбома с рисунками тети Таты — всеми этими болотными попками и мелкими бесенятами, которых так любил рассматривать Блок, вдохновившийся ими и написавший свои «Пузыри земли».

— Когда я рисовала портрет Александра Александровича, — шелестела Татьяна Николаевна, — он немало читал мне своего. И часами разглядывал мои альбомы. И он, и Боря (Андрей Белый) любили тогда мои рисунки.

Тата была достаточно деятельным, хотя и второстепенным персонажем в жизненной драме Александра и Любви Блоков и Андрея Белого. Не признавая «плотского» брака, будучи противницей и брака церковного, измучившая вконец своего возлюбленного — богослова А. В. Карташева «безжалостным отношением... к большим вопросам любви» (как писал об этом Карташев), увлекалась Тата гностическим учением о духах парных и непарных — поддерживала, исходя из этого, хотя и тихо, но настойчиво, притязания Андрея Белого на взаимность со стороны Любви Дмитриевны Менделеевой-Блок. 13 мая 1907 года она писала Белому: «...Саша (Блок)... одиночка: сам на себе держится, и отсюда творчество его — и затем лучи от себя и в себя, для пополнения своей личности. Вы, Боря, — без любви половина, не жизнь — ожидание жизни. Не творчество — ожидание творчества. А Люба кто? Безусловно, тоже тип “брачный” — двойной (или половинчатый), потому что вы ею пополняете, она в вас вся. У Саши может быть много любовей, влюбленностей, а любовь к себе — праведная, потому что полная, единая и вечная.

Может быть, менее полная, чем у брачного человека. А вы и Люба — одно. Ни она одна — ни вы одни».

Блок сильно морщился, негодовал — его бесило вмешательство в его личную жизнь и в его дружбу-вражду с Белым. Вырывалось у него иной раз, как, скажем, в письме к Белому (15—17 августа 1907 г.): «Ох, уж эта Тата, Зина, Чулков, Вяч. Иванов и пр. и пр. Не верьте рассказам и предположениям третьих лиц». Но все-таки дружбы с сестрами он не порывал.

Все эти перипетии сложнейших взаимоотношений, вся эта мистерия неземных любвей и земных и inferнальных измен то и дело в каком-то туманном калейдоскопе обрывков и воспоминаний возникали в тихих и нестройных, неторопливых рассказах Таты. Ната очень редко вставляла словцо-другое.

В самом начале войны убежавшие из Новгорода советские войска наряду со всеми другими домами города подожгли и старый домишко, где жили сестры Гиппиус. И переселились они, потеряв все решительно, что оставалось у них, в один из домов уцелевшей пригородной Колмовской психиатрической больницы. На территории этой больницы сосредоточились почти все новгородские погорельцы — местная ссыльная интеллигенция.

В домике врача-психиатра и церковного деятеля, бывшего словчанина Ивана Михайловича Андреевского чуть ли не ежевечерне стали собираться для бесед, чтения своих произведений С. А. Аскольдов, А. Н. Егунов, поэт и ученый-эллинист, его брат, поэт и прозаик, сестры Гиппиус, ряд других лиц, так или иначе причастных к литературе и философии, науке и богословию. Тетя Тата немало рассказывала о религиозно-философских собраниях, о круге лиц, собиравшихся у Мережковских, о Блоке, Белом, Розанове.

Из некоторых фраз Таты и Наты можно было понять, — хотя об этом не рассказывалось, — каким домашним деспотом была старшая сестра — Зинаида.

Потом судьба забросила нас в Псков, где сестры Гиппиус, их друзья — монахиня Ольга Репина и художница и реставратор Н. С. Благовещенская, тоже бывшая насельница лагерей НКВД, а потом ссыльная, новгородский археолог В. С. Пономарев и я с матерью — все мы поселились в одном большом деревянном доме у церкви Пароменья на реке Великой.

Немцы, заказывавшие Тате и Надежде Сергеевне Благовещенской акварели с видами Новгорода и Пскова, а Натке глиняные раскрашенные фигурки русских баб и мужиков, прозвали этот дом «Кунстколони», но платили нищенски, особенно офи-

церы: за акварель — фунт или полтора плохого хлеба, за глиняную фигурку — тоже не больше. Солдаты были щедрее. Но нужно было жить — а это был единственный источник существования.

Помогали как-то выжить несколько офицеров из числа бывших белых эмигрантов, русских немцев, часть из которых и говорила-то по-немецки с невероятным русским акцентом. Все они ненавидели нацизм и, почти не скрывая, были русскими патриотами. Часть из них сражалась в войну 1914—1918 гг. с немцами, будучи офицерами русской царской армии. Они-то и помогли сестрам Гиппиус выехать из Пскова, когда к нему приближалась советская армия, в Штеттин. Один из этих офицеров был знаком с ними еще с питерских времен, бывал частым посетителем салона Мережковских.

В Пскове, живя в соседней с комнатами Таты и Наты комнате, я особенно близко подружился с ними. И меня всегда поражало какое-то странное сочетание доброты, благодушия, истинной религиозности — с какой-то затаенной неоткрытостью, замкнутостью в себе (особенно этим отличалась Тата) и наличием явно темной мистики, не слишком осознаваемой самими сестрами.

Будучи чрезвычайно религиозными, строго и истово церковно-верующими, они вместе с тем, насколько мне помнится, никогда не исповедовались. Их воззрения поражали близостью к гностицизму.

Тата рисовала иконы — и рисовала, молясь, постясь, с полной отдачей себя изображаемому, но как страшны были какой-то обезличенностью и даже отверженностью глаза ее Спасителя, святых! Особенно вспоминается одна картина, изображающая явление в диком поле чудотворной иконы Богородицы. Образ как бы приподнимали какие-то ядовитые цветы, какие-то страшные, невиданные травы, как будто мохнатые руки нежити. Недаром рисовала издавна Тата болотную нежить — привязалась она к ней и плотно влипла в ее душу: добрую, но слишком слабую, да еще подавленную Зинаидой.

